

А.А. Сизова

ИДВ РАН

Противодействие учреждений МИД России в Монголии японской разведке в начале XX в.

На рубеже XIX–XX вв. в Российской империи задачи внешней разведки и контрразведки, за отсутствием соответствующих специализированных служб, выполнял целый ряд ведомств¹. В работу по сбору тайных сведений на Дальнем Востоке и в Центральной Азии, выявлению иностранных разведчиков в «сферах влияния» России наиболее активно были вовлечены региональные отделения Генерального штаба, направлявшие агентов в пограничные с Россией районы соседних государств, и заграничные учреждения МИД – дипломатические миссии и консульства, создававшиеся Россией в Китае, Японии, Корее, Монголии, Индии, Иране, Бухаре с середины XIX в.

Информационно-аналитическая работа российских дипломатов в Цинской империи с 1850-х гг. в условиях усиливавшейся конкурентной борьбы великих держав за раздел «сфер влияния» в Китае и его колониях также предполагала сбор сведений о деятельности иностранных агентов. Наиболее активно он осуществлялся консульскими учреждениями в зонах «особых интересов» России – пограничных с ней частях Китая, в Синьцзяне и Монголии, с 1908 г. – и в Маньчжурии. Благодаря широкому политическим функциям этих консульств, высокой степени интегрированности дипломатов в местную среду и их активному стационарному наблюдению за событиями в консульских округах, отчасти компенсировался дефицит оперативной информации о ситуации в прилегающих к территории Российской империи регионах Китая [15, с. 214–217], т.к. специальная политическая агентура в Маньчжурии и Монголии была создана посланником в Пекине только в 1906–1909 гг. [10, с. 102], а командировки агентов Генштаба в эти районы были нерегулярными и непродолжительными.

© Сизова А.А., 2013

Результаты информационно-аналитической работы консульств имели преимущество над данными экспедиций Генерального штаба – сведения поступали систематически, с высокой частотой, из надёжных и многообразных (включая приближённых к местным властям) источников.

В отличие от Западного Китая, где работа по выявлению иностранных агентов (Англии) осуществлялась ещё с 1890-х гг., консульские сотрудники в Монголии не занимались ей до конца XIX в., поскольку до этого времени Халха² и западные округа страны были закрыты для иностранцев и не являлись стратегически значимой областью для иных держав, кроме России. Однако накануне и после русско-японской войны на Монголию обратила пристальное внимание Япония, рассматривавшая эту часть Китая как перспективную рекогносцировочную площадку для реализации своей континентальной политики, а также ресурсную и производственную базу. Присутствие Японии в Монголии, тем более, её содействие Пекину в реализации программы колонизации Монголии и интернационализации торговли с этой страной, развёрнутой во второй половине 1900-х гг., противоречило российским внешнеполитическим и экономическим интересам, вследствие чего, императорским заграничным и пограничным администрациям были даны распоряжения о перманентном наблюдении за японцами в Монголии и посильном ограничении их активности, которая могла бы быть вредна интересам России.

Справедливым будет отметить, что деятельность подданных Японии в Монголии являлась объектом особого внимания консулов со времён китайско-японской войны 1894–1895 гг. [2, л. 293]. С Японией российское правительство связывало опасность проникновения в Монголию «третьей силы» и иностранной конкуренции российской торговле, грозившей потерей рынка. В результате российских мероприятий по укреплению влияния в Маньчжурии 1901–1902 гг., в российско-японских отношениях возросло напряжение. Оно усугублялось поощрением действий Японии против России Англией и Германией (англо-японский договор 1902 г.). Следствием этого стала взаимная активизация осведомительной деятельности, как в Маньчжурии, так и в приманьчжурской Монголии. Консулы доносили в МИД о каждом японце, побывавшем в стране, – от студентов при Японской Миссии в Пекине до торговцев и учёных, большинство из которых были агентами.

В октябре 1902 г. генеральный консул в Монголии Я.П. Шишмарёв сообщал о снаряжённой Японией экспедиции в Монголию, Маньчжурию и на границу с Россией с целью изучения торговли. Цинским

правительством был отдан приказ всем пограничным властям о содействии японским путешественникам. Генеральный консул заключал, что «открытие японцами непосредственных торговых сношений с Монголией не может быть нам желательным» [3, л. 156об.–157]. В задачи первой «торговой» экспедиции Японии в Монголию также входило изучение в военно-стратегическом отношении восточных районов, прилегающих к КВЖД [14, с. 100].

В июне 1903 г. управляющий консульством в Урге В.В. Долбежев запросил инструкций Посланника в Пекине на предмет оказания содействия экспедиции японца Ошима по рекомендации японской Миссии, а также допущения его в Ургинскую школу переводчиков для изучения монгольского языка. Сам В.В. Долбежев высказался о нежелательности данной экспедиции «по многим причинам» [3, л. 188об.].

Уже во время русско-японской войны (8 февраля 1904 г. – 5 сентября 1905 г.) МИД, действуя через Миссию в Пекине и консульство в Урге, приступил к систематическому наблюдению за развитием японско-китайского сотрудничества, хозяйственной и прочей активности Японии в Халхе, сопровождавшейся усилиями по сбору разведывательных данных о военных планах и экономическом положении России и подрыву ее влияния на территории Монголии. С целью предотвращения проникновения японских агентов в страну, и одновременно для выяснения стратегических устремлений правительства Японии, началось создание агентской сети в районе монгольской столицы [9, л. 4]. Так, в октябре 1904 г. консул в Урге В.Ф. Люба в ходе поездки по Западной Монголии «принял меры» для тайного ознакомления с предписанием Улясутайского цзянцзюня об оказании содействия японским закупщикам скота в Цзасактуханском аймаке [4, л. 20].

Победа в войне с Россией увеличила политический вес Токио в Северо-Восточной Азии. Существенно возросло влияние Японии на правительство Пекина, которому она стала оказывать содействие в планировании колонизации и освоения богатств Монголии. Однако основной задачей проникавших в Монголию японских разведчиков было не столько изыскание возможностей продвижения на местный рынок японских товаров и инвестиций (только в 1910 г. японские капиталисты провели серьезные переговоры о создании промышленных предприятий в Урге), сколько осведомление о численности российских войск в приграничье и городах пребывания консульств, отношениях монгольских властей и населения к российским подданным, необходимом для выработки мер по ограничению влияния России в Монголии [1, р. 49–50, 62–63]. Ослабление позиций России в пограничных регионах Китая отвечало политическим устремлениям

Пекина, предоставившего полное покровительство японским военным и торговцам. Инструментами подрывной деятельности разведки и японской миссии в Пекине были подарки и помощь монгольской аристократии в получении образования в Японии, религиозная и политическая пропаганда (в частности, об исторической общности японского и монгольского народов), организация просветительской работы в хошунах (например, создание двух школ в хошуне Харачин-вана) [14, с. 101–102].

В этой ситуации консулы в Урге и Улясутае (Западная Монголия)³, наряду с агентами Омского и Иркутского военных округов, усилили деятельность по выявлению секретных агентов Японии. Консулы устанавливали наблюдение за целыми группами японцев в монгольских хошунах, отслеживали топографические мероприятия, их общение с местными властями [6; 7], пытаясь, в том числе, ограничить влияние японцев в региональных маньчжурских органах власти [4, л. 71–75об.; 5, л. 9–11об.], регулировали выдачу заграничных билетов представителям Японии, желавшим отправиться в Россию через Монголию. На основе консульских донесений в МИД вырабатывалась тактика в отношениях с Японией и потворствовавшим ей Китаем.

С сентября 1905 г. ургинское консульство сообщало о начале открытой диверсионной деятельности японцев в Монголии (только официально в Урге проживало 5 японцев). Продолжалась съёмка и разведка территории японско-китайскими партиями. По данным консульства, 75% путешественников, проезжавших по Халхе в это время, были японцами. Последние имели свидетельства от Вай-у-бу и губернатора Чжилийской провинции, а также право бесплатного проезда по казённым станциям. В месяц по маршруту Калган–Долоннор–Пекин проезжало несколько десятков японцев. Японские агенты составляли точные планы окрестностей Урги, императорского консульства и наблюдали за российскими дипломатами [4, л. 71об.–72]. Под видом студентов и учёных японские агенты собирали сведения о торговле в Монголии, приобретая образцы импортных (особенно, мануфактурных и металлических) и монгольских товаров, наладив масштабную закупку сырья и скота через крупные китайские фирмы. Одним из негативных последствий пребывания японских «торговцев» в стране стал организованный ими подъём цен на овчину и шерсть. Русские купцы были вынуждены отказаться от ввоза из Монголии этого традиционного товара, поскольку вздорожавшая монгольская шерсть не могла выдержать конкуренции бухарского сырья, поступавшего на российский рынок по новой Оренбург–Ташкентской железной дороге [4, л. 72об.]. Пытаясь расположить к

себе власти и население Халхи, японцы в то же время стремились препятствовать их сближению с русскими [4, л. 75об.], хотя их тайная пропаганда по хошунам не повлияла сколько-нибудь значительно на доброжелательность общения русских и монголов.

С начала сентября 1906 г. от консула в Улясутае В.В. Долбежева поступала информация о проникновении многочисленных японских агентов в Кобдо, Улясутай, урянхайские и киргизские кочевья Алтая (например, японца Закичая, собиравшего сведения о торговле по всей Западной Монголии до Кош-Агача) [8, л. 30–31, 154об.]. В качестве превентивной меры, некоторым из них, желавшим проехать в Россию, консульство отказывало в заграничных билетах [8, л. 111–112].

По получении в сентябре 1905 г. сведений о возможном учреждении в Монголии японского наместничества и открытия Урги и Калгана для иностранной торговли, управляющий консульством в Урге М.Н. Кузминский заявил амбаню Янь Чжи протест против нарушения Китаем трактатных правил допущением пребывания японских подданных в Урге в течение длительных сроков [4, л. 73–73об.]. Намеренно переоценивая степень развитости российской торговли в Монголии, Пекин выражал готовность отменить режим беспрошльного торга с Россией. Ургинским амбаням было дано распоряжение подготовить открытие таможен с Забайкальем и Восточной Сибирью [4, л. 157об.]. М.Н. Кузминский обращал внимание МИД на необходимость задержать открытие Монголии для международной торговли, чтобы предотвратить гибель российского предпринимательства, по крайней мере, до момента укрепления российской концессии в Урге и организации комиссионной деятельности Русско-Китайского Банка [4, л. 160об.]. Особый вред российским интересам могли нанести китайско-японские промышленные проекты в Монголии. Управляющий консульством также усматривал прямую угрозу российским интересам во влиянии Японии на формирование цинской политики в Монголии, в том числе, в подготовке командирования в Халху и Западную Монголию Су-цинъвана с целью изучения возможностей колонизации и ограничения российской торговли.

С окончанием японских рекогносцировок в Монголии в конце октября 1906 г. консул в Урге предлагал создать специальный пункт в Долонноре или около Калгана для наблюдения за деятельностью агентов Японии и определения их численности в Западной Монголии, Халхе, стране Чахаров и Приманьчжурье, а также для оперативного реагирования на случай водворения японцев в Монголии [5, л. 8–9]. Консул М.Н. Кузминский предупреждал, что путь японской экспансии в Халхе может открыть проектируемая железная дорога

Урга–Калган, к строительству которой Китай планировал приступить после открытия участка Пекин–Калган в 1907 г. В ситуации активного японского проникновения в Монголию М.Н. Кузминский призывал к стимулированию экономического освоения страны российскими подданными и расширению России площадей землевладения в Халхе и западных округах [5, л. 9об.].

Подписание секретной российско-японской конвенции 17 (30) июля 1907 г., по ст. 3 которой Япония обязалась «воздержаться от всякого вмешательства, способного нанести ущерб» специальным интересам России в Монголии [16, с. 538], не помешало продолжению разведывательной активности Японии в Халхе и западных округах Монголии. Российские консулы в Урге и Улясутае продолжали принимать меры для пресечения деятельности групп проникавших в Забайкалье японских агентов-пропагандистов в монастырях (в частности, в Эрдэни-цзу, где японцы хотели назначить собственного ламу) [5, л. 72–72об.] и ставках князей, а также так называемых «путешественников». По сообщениям генерального консула Я.П. Шишмарёва, в начале августа 1908 г. из Маньчжурии и Китая в Халху прибывали японцы группами по 3–4 человека. Летом в Урге под видом учёных побывало около 20 японцев, двое из них остались на продолжительный срок.

Поскольку Монголия являлась нейтральной территорией, российские власти не могли открыто препятствовать проникновению японцев в эту часть Китая, и не имели формальных инструментов пресечения их агентурной деятельности. В то же время, дипломаты активно участвовали в сборе сведений о передвижениях и мероприятиях агентов, китайско-японских договорённостях, одновременно пытаясь ограничить их осведомительную и пропагандистскую активность и передвижения с помощью доступных механизмов. Особое внимание уделялось предотвращению проезда подозрительных лиц через Монголию в Россию. Так, в августе 1908 г. генеральный консул смог «повлиять некоторым образом», чтобы ни один ургинский возчик не согласился отвезти очередную научную экспедицию по направлению к Улясутайскому округу. В свою очередь, консул в Улясутае В.В. Долбежев предупредил посещение японцами ставок и монастырей в Улясутайском, Кобдинском округах, а также в землях дэрбэтов и урянхов [5, л. 72об.–73]. В феврале 1908 г. В.В. Долбежев пресёк деятельность агента Чжан-Кин-Юня, приехавшего в Кобдо, отказав ему в выдаче заграничного билета в Россию. Проехавший до Кош-Агача японец был арестован пограничными властями [8, л. 111–112]. Летом 1909 г. в ходе поездки по округу Я.П. Шишмарёв собрал и передал в МИД данные о деятельности японцев в Восточной Монголии и Приманьчжурье [8, л. 85].

Организация контрразведывательной деятельности на Дальнем Востоке с лета 1905 г. сопровождалась серьёзными противоречиями между МИД и Военным ведомством из-за реваншистских настроений военных по отношению к Японии и несогласия прогермански ориентированных кругов Генерального штаба и Совета государственной обороны с курсом министра иностранных дел А.П. Извольского на сближение с Англией и Японией (в целом, с весны 1907 г. возобладала линия МИД) [12, с. 20–21]. Данные противоречия, чреватые разрушением достижений Портсмутского мирного договора, иллюстрирует инцидент с Японией в августе 1905 г. Командование Дальневосточной армии настаивало на аресте управляющим консульством М.Н. Кузминским двух японцев в Урге, признав в них «диверсантов». В свою очередь, МИД выступил категорически против ареста, мотивируя это недостаточностью доказательств и наличием риска нарушения установившегося перемирия с Японией [7, л. 5–8]. Так как сферы компетенции консулов и пограничных властей России в сфере наблюдения за иностранными гражданами в приграничной полосе пересекались, их сотрудничество сопровождалось конкуренцией и нередкими конфликтами (примером являются постоянные противоречия консула в Урге В.Ф. Люба и Кяхтинского пограничного комиссара А.Д. Хитрово). Тем не менее, консульства оказывали техническое содействие пограничным военным властям, с 1906 г. изучавшим театр военных действий русско-японской войны, пути сообщения, осуществлявшим военно-статистическое описание сопредельных с Россией дальневосточных территорий и топографические мероприятия, однако их осведомительная работа проходила независимо от военного ведомства.

Заключение российско-японского соглашения 21 июня (4 июля) 1910 г., которое перевело отношения двух государств на уровень «формального союза», закрепило условия двустороннего взаимодействия в сферах специальных интересов (в Маньчжурии, Монголии и Корее). Каждая сторона обязалась воздерживаться от политической деятельности в регионах Китая, стратегически важных для другой, и не препятствовать укреплению в них влияния «союзника» [13, с. 169]. Следствием соглашения стало угасание активности Японии в Монголии, направленной против России, несмотря на то, что «монгольский вектор» японской внешней политики сохранял актуальность. Токио попытался воспользоваться критическим положением Китая после Синьхайской революции для закрепления в восточных районах Внешней Монголии и Внутренней Монголии. Однако установление российского протектората над Монголией после переворота в Урге

1 декабря 1911 г. и содействие России в достижении страной автономии способствовало выведению Японии из числа действующих лиц, участвовавших в судьбе страны номадов на долгий срок и ограничению её амбиции в отношении Внутренней Монголии. В русско-японской конвенции 25 июня (8 июля) 1912 г., линия разграничения сфер «специальных интересов» двух держав во Внутренней Монголии прошла по «пекинскому меридиану», что позволило России сохранить контроль над участком региона, по которому проходили ключевые торговые пути в Китай [16, с. 549–550]. Несмотря на то, что после подписания российско-монгольского соглашения 21 октября (3 ноября) 1912 г. наблюдались попытки части монгольской аристократии искать в лице Японии противовес влиянию как России, так и Китая, российским дипломатам удалось предотвратить вмешательство японского двора в монгольские дела.

Таким образом, российские консульства в Монголии, наряду с выполнением традиционных информационно-аналитических функций, в условиях борьбы держав за сферы влияния на Дальнем Востоке в начале XX в. внесли существенный вклад в противодействие японской разведке в Монголии и её усилий по выводу кочевой страны из орбиты влияния России. Последнее было бы возможным, в случае успеха действий пекинского правительства и его японских советников по стимулированию ханьской колонизации Халхи, интернационализации торговли и развития японской промышленности в этой части Китая. Наряду с действием объективных политических и социально-экономических факторов, работа дипломатов в Урге, Западной Монголии и Пекине, в немалой степени препятствовала завершению намеченных маньчжурами реформ в Северной Монголии, появлению в стране «третьей силы» в лице Японии, и как следствие – изменению *status quo* в Северо-Восточной и Центральной Азии во второй половине 1900-х – начале 1910-х гг.

Тем не менее, параллельно с укреплением позиций России в Монголии, Япония продолжала реализацию своей континентальной политики и увеличивала активность в Маньчжурии, сконцентрировав в этой части Китая значительные дипломатические, разведывательные ресурсы и стимулируя предпринимательскую деятельность [11, с. 1–2], а с 1915 г. стала заявлять о правах на Восточную Монголию. В отличие от не вполне определённой политики России в Монголии, действия Японии в Маньчжурии были уверенными и последовательными. 20 июня (3 июля) 1916 г. они получили дальнейшее правовое оформление в соглашении с Россией, в очередной раз разграничившем интересы держав в «сферах влияния» в Китае [16, с. 578–579],

что обеспечило укрепление геополитических позиций Японии на материке и зафиксировало существенные уступки в пользу Японии со стороны России. Токио воспользовался политическими потрясениями в России 1917–1919 гг. для заполнения «вакуума силы», образовавшегося в Монголии и уже открыто оказывал помощь Китаю в ликвидации монгольской автономии, которая завершилась осенью 1919 г. После образования в 1924 г. Монгольской Народной Республики Япония вместе с гоминьдановским Китаем выступала за ликвидацию нового государства. Пресечением деятельности японских агентов в Монголии, а также расследованием провокаций Японии на монгольско-маньчжурской границе в этот период, занимались уже советские и собственно монгольские власти.

Примечания

¹ Статистическое отделение генерал-квартирмейстерской части Главного штаба (с 1905 г. – Главного управления Генерального штаба) собирало данные о военном потенциале потенциальных противников, а отделения приграничных военных округов, корпус пограничной стражи в ведении Министерства финансов – данные о контрабанде. В сборе информации участвовали легальные военные, морские атташе, военные агенты, администрации пограничных регионов и т.д.

² Халха – историческая область Монголии, расположена к северу от пустыни Гоби.

³ Первый консул России в Улясутае В.В. Долбежев приступил к работе в июне 1906 г.

Источники и литература

1. *Li Narangoa*. Japanese Geopolitics and the Mongol Lands, 1915–1945 // *European Journal of East Asia Studies*. 2004. Vol. 3. № 1. P. 45–67.
2. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562.
3. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 563.
4. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 564.
5. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565.
6. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 596.
7. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 598.
8. АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616.
9. АВПРИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 870.
10. *Гендуков А.Б.* Русская агентурная разведка в Китае и Монголии в начале XX в. (по материалам Кяхтинского краеведческого музея им. Акад. В.А. Обручева) // *Россия и Монголия сквозь призму времени: Материалы международной научно-практической конференции «Улымжиевские чтения-3»*. Улан-Удэ, 2007. С. 101–109.
11. *Голос Сибири*. 17 февраля 1912. № 332. С. 1–2.

12. *Греков Н.В.* Русская контрразведка в 1905–1917 гг.: шпиономания и реальные проблемы. М., 2000.

13. *Гримм Э.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке: 1842–1925. М., 1927.

14. *Единархова Н.Е.* Проникновение японцев в Монголию в начале XX века // *Восток в прошлом и настоящем: тезисы докладов к региональной конференции (14–17 мая 1992 г., Иркутск)*. Иркутск, 1992. С. 100–102.

15. *Макуха Н.А.* «Китайское правительство предполагает...». Секретные донесения русских чиновников о китайском заселении Северной Маньчжурии. 1898 г. // *Исторический архив*. № 3. 2008. С. 212–217.

16. *Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916* / Под общ. ред. *В.С. Мясникова*. М., 2004.